

Над пропастью с отчетом. Денис Подвойский

Рейтинги, хирши, импакт-факторы, аккредитации, госстандарты бесчисленных поколений, компетенции, ЗУНЫ, ФОСы, УМК, БРС, ООП, ТУИС, ЕИС, МООСы, Майноры... Кто все эти «достойные люди»? Подобные «персонажи» живут, размножаются и благоденствуют в современных российских университетах, питаюсь временем и жизнями многих тысяч преподавателей и научных сотрудников, стремящихся еще «как бы между делом», «не пойми зачем», почти в формате странного хобби учить студентов и заниматься исследовательской деятельностью.

О трудном пути российского высшего образования и его организационных патологиях рассказал доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (РУДН), ведущий сотрудник Института социологии (ФНИСЦ) РАН *Денис Подвойский*.

Беглый взгляд на недавнее прошлое

В XXI веке российская система высшего образования претерпела существенные изменения. Какова была реальность вузовского преподавателя 70-80-х годов? Это достаточно много свободы (не идейной, разумеется), высокий уровень автономии по меркам городских профессий при относительно высоком уровне доходов. Реальность 90-х была другая – максимум свободы, можно сказать, беспредельной, но ... почти полное отсутствие финансирования. В 2000-х ситуация стала постепенно меняться, и этому способствовали по меньшей мере три фактора:

Присоединение России к Болонскому процессу

(который злые языки вскоре окрестили «болванским»). На первый взгляд, Декларация провозглашала важные задачи: обеспечение транспарентности, внедрение единых моделей образовательного процесса, стандартов и правил, которые позволяли бы конвертировать академические результаты студентов на транснациональном уровне. В России ее приняли безоговорочно и без лишних раздумий стали реализовывать. Последствия оказались сомнительными. Всевозможные письменные и тестовые формы отчетности со сложной числовой процедурой оценивания (так называемая балльно-рейтинговая система) пришли на смену классическому устному экзамену, объявленному устаревшей и неэффективной методой. Однако по большей части «ритуальное» высчитывание балла лишь отнимало массу времени, не способствуя повышению «точности» и «объективности» при оценке студенческих заслуг.

Высшее образование стало переходить на коммерческие рельсы,

в лихие 90-е фактически брошенное государством на произвол судьбы. Университетам надо было как-то выживать в новых условиях. Государству, разумеется, это было только на руку: спасение утопающих – дело рук самих утопающих. В верхах была усвоена «рыночная» идеология, в риторике вузовского истеблишмента появились слова «образовательные услуги», «эффективность», «конкурентоспособность», которые раньше не употреблялись применительно к образованию и науке. Вопрос о том, должны ли университеты, в принципе, играть по правилам рынка (не очевидный сам по себе в плане возможного ответа), даже не ставится.

Массовость высшего образования –

объективный тренд последних десятилетий, как и во всем мире. Здесь сразу же хочется поставить вопросы: а может ли вообще *высшее* образование быть *массовым*? не утрачивает ли *массовое* образование статус *высшего* в своей массовости? не является ли это «*contradictio in adjecto*» (лат. – противоречие в определении), как говорят логики? Допустим, каждый человек имеет право на высшее образование. Однако реалии таковы, что этот самый каждый, – так сказать, произвольно выбранный индивид с улицы – не просто имеет право, но и фактически оказывается на нашей скамье. А

преподаватель теперь должен объяснить ему «Критику чистого разума» Канта любыми способами, говоря квазицерковным языком, духовно окормить. Такая ситуация хорошо описывается теорией макдональдизации Джорджа Ритцера. Общество превращается в гигантскую кухню по производству бургеров, и наше образование – один из отсеков этой кухни. Мы вынуждены научиться генерировать образовательные услуги поточным способом – в формате штамповки, фабричного конвейера. Примечательно, что в зарубежном академическом мире, где наблюдаются сходные тенденции, в последние годы начинают говорить о необходимости создания, а точнее возвращения к модели «медленной» [slow] науки и «медленного» университета.

Больше документов

Как следствие Болонских преобразований, ориентации на массовость и рынок, было оперативно заявлено, что необходимо переходить на письменные формы отчетности. Это обернулось чудовищным наращиванием документооборота, а также учреждением и «почкованием» соответствующих подразделений, которые им ведают. Теперь, кажется, ни одно действие в университетских стенах не может обойтись без отчета и административной регламентации. Ходят шутки, что для посещения туалета скоро появятся свои директивы.

Не только на общеуниверситетском уровне, но и на уровне факультетов возникает большое количество всевозможных позиций, которые ведают исключительно документооборотом. Парадоксально, но никакой солидарности у образовательных бюрократов, даже если они сами являются или являлись в прошлом преподавателями, с их «товарищами по несчастью», то есть с обычными преподавателями, не возникает. Они быстро выделяются в особую, «привилегированную» прослойку и начинают мыслить своими категориями. Административно-управленческие и «вспомогательные» подразделения, в конечном счете, монополизируют контрольно-распорядительную функцию, в то время как собственно производство документации по-прежнему

остаются за кафедрами – как своего рода «канцелярский оброк».

Большинство так называемых «инноваций», инициируемых разрастающимся аппаратом, естественно (в простой логике групповых интересов), призвано в первую очередь доказывать его востребованность в глазах руководства, а не помогать решать какие-то содержательные задачи.

Представьте себе войну. Солдаты и строевые офицеры воюют, но одновременно с этим есть огромный полупаразитарный штаб, который якобы управляет ими, оптимизирует их деятельность. Когда солдаты с офицерами возвращаются в окопы, им говорят: «Теперь надо писать отчеты о войне». И они пишут (а вдобавок еще что-то считают), но к жизни эти слова и цифры могут не иметь прямого отношения. Более того, война может быть давно проиграна (как оно и есть на самом деле). Реальность и продукты бумаготворчества корреспондируются очень слабо. Жизнь ускользает от штабной писанины – и, слава богу. Но на поле боя уже почти никто не выходит, поскольку большинство личного состава рискует здоровьем, проливает кровь и пот, будучи задействованным, главным образом, в чернильных битвах и на «файло-отчето-оформительских» фронтах. «À la guerre comme à la guerre», как говорят французы.

Принудительная компьютеризация

Бюрократия и технократия часто оказываются союзниками. Желание загнать образовательный процесс в компьютер отнюдь не является безобидным. Но если вы выступаете против внедрения компьютерных технологий, вас, естественно, обвинят в отсталости, консерватизме и нежелании идти в ногу со временем. Так, например, по поручению руководства одного вуза был составлен список преподавателей, не использующих мультимедийные технологии при проведении занятий. Заведующих кафедрами по итогам этого проверочного рейда обязали применить дисциплинарные и разъяснительные меры в отношении «провинившихся», и отчитаться о результатах «порки». Один

глубоко уважаемый мною коллега в программе по своей дисциплине, явно рискуя прогневить начальство, в графе «использование мультимедийных и компьютерных технологий» честно написал: «Мне для моих занятий нужны только мел и доска». Еще похожий эпизод: одна продвинутая молодая чиновница на учебе, посвященной методике онлайн-обучения, достаточно категорично утверждала: не пишите «стену» текста, это отпугивает студентов, – ее все равно не будут читать... Даже если это и правда, но Гутенберговскую культуру, – культуру книги и печатного слова, – наследниками которой все мы являемся, еще никто не отменял.

Фактически интенция поборников технического «прогресса» ясна. Аудиторные занятия должны превратиться в увлекательное шоу для ленивых и расслабленных мозгов массовых потребителей образовательных услуг. Книжка с картинками и журнал комиксов – лучшая альтернатива толстым фолиантам, скрывающим под обложками труднопроходимые джунгли умных мыслей. Разумеется, освоение этих джунглей требует приложения больших усилий воли, внимания, сосредоточенности, интеллектуальной самодисциплины, серьезной внутренней мотивации, пытливости ума... Да, все это трудно, но это делали многие поколения студентов во всем мире на протяжении веков. Тот, кто не готов идти по данному пути, по-видимому, просто не должен оказываться на университетской скамье. В жизни много интересных и достойных дорог, но не все они ведут в храм науки. И здесь мы снова возвращаемся к проблеме массового высшего образования как своего рода вызову традиционной академической университетской культуре, которая, увы, почти повсеместно уходит в прошлое.

Однако, как бы то ни было, вопрос методики аудиторной работы должен быть вопросом преподавателя, а не бюрократа. Заунывный шаблонный комментарий к столь же шаблонной компьютерной презентации может наводить тоску на слушателей, а простая горловая лекция вызывать неподдельный интерес. Все дело в качестве исполнения...

0 переходе качества в количество

Существует несколько специфических маний, которыми заражена бюрократизированная среда университета. Технократический фетишизм тесно связан с установкой, которую Питирим Сорокин назвал квантофренией. Речь идет о «повернутости» на цифрах и исчислениях. Если вы чего-то не измерили или не смогли качество превратить в количество, то все это не имеет ни малейшей ценности, с точки зрения системы. Но кто сказал, что десять статей лучше одной?

Если говорить откровенно, как оценить работу любого преподавателя? Способ один: прийти на занятие и послушать. Как оценить качество статьи? Не полениться и прочитать ее. Но ни того, ни другого в оценке деятельности ученых и преподавателей не делается. Да, это хлопотно и долго, но только такой «мониторинг» может дать реальную картину качества, за которое якобы так радуют университетские руководители.

Экзистенциальный вопрос

При описываемых условиях преподаватель неизбежно сталкивается с выбором: какой результат я хочу максимизировать? Либо миллион публикаций для галочки, но уверенная карьера, бонусы и продвижение по службе, либо творить нетленку или учить, передавать знания, и, возможно, быть уволенным, потому что не отчитаешься по показателям. Разумеется, так выглядят крайности. Срединный, компромиссный путь существует, но является внутренне противоречивым, ведь логика бюрократической (и/или имитирующей академически-педагогические успехи) карьеры в сфере образования одна, а логика содержательной – другая.

Неутешительный диагноз

Если система работает на производство и переваривание бумаг, а то, что происходит в аудитории, никого особо не волнует, вывод становится очевиден: система дисфункциональна, поскольку ее

основные задачи – ретрансляция накопленных знаний и получение новых - не решаются, а в лучшем случае имитируются. Если использовать медицинские метафоры, то диагноз выглядит малоутешительно: картина заболевания напоминает организационную «онкологию». Данное сравнение неслучайно и не является очередной алармистской страшилкой: система сама производит клетки, которые убивают ее изнутри.

Плыть против течения

Можем ли мы что-то сделать? – вопрос трудный. Даже если мы считаем что-то губительным и деструктивным или что-то критикуем, это не значит, что мы автоматически знаем, как указанным тенденциям эффективно противостоять. Почему?

Осознание критичности ситуации налицо: абсолютное большинство представителей профессорско-преподавательского состава готовы признать положение отрасли бедственным, не скупясь на эпитеты, в том числе с использованием всей экспрессивной мощи «великого и могучего». Тем не менее, никакой массовой мобилизации в этой среде не наблюдается. Каждый в отдельности запуган тем, что вся власть у капрала, и если вы не играете в эту игру, то капрал имеет право вас выгнать. Университетское профсообщество не консолидировано, а официальные профсоюзы занимают угодническую, соглашательскую, в некотором роде «коллорационистскую» позицию (можно сказать, что их просто нет). Люди не готовы объединяться, не умеют и не привыкли отстаивать свои интересы. Недовольство выбрасывается в интернет, циркулирует в личном общении коллег и социальных сетях, но дальше ничего не происходит. До организованных действий дело не доходит. Мало кто верит в возможность что-то реально изменить.

К слову сказать, иначе дела обстоят на Западе. Если вводятся какие-то неуместные, по мнению профсообщества, реформы, то выходят преподаватели вместе со студентами и говорят: «Нет, мы против». Тогда министр образования, например, уходит в

отставку, или реформу спускают на тормоза. Но это, как говорится, не про нас, – как фантастический рассказ о жизни другой планеты.

Конечно, во все возможные высокие инстанции и кабинеты писалось внушительное количество гневных и в то же время аргументированных петиций, в том числе и от самых авторитетных лиц: академиков РАН, всемирно известных ученых и т.д. Но эти обращения и челобитные не повлекли за собой существенных изменений. Критиковать можно сколько угодно, но так как с власти, как с гуся вода, все продолжают терпеть. Ситуация в высшем образовании, правда, совершенно не исключительная. В данной конкретной области, как и в стране в целом не работают механизмы легального воздействия на властные институты горизонтальных социальных структур (похороненного в утробе государства гражданского общества). В этом ничего нового нет, – это всем известно. В России так принято – терпеть почти до бесконечности, а потом брать в руки топор. Распространяется ли указанная закономерность на мирную, отчасти погруженную в себя академическую публику, сказать трудно.

Какие здесь возможны реакции? Многое зависит от базовых устремлений, побуждающих человека к занятиям академическим трудом. Для лучшей части сообщества тон задает терминальная мотивация профессионального призвания. Таких людей не так просто сломить. Если весь мир против тебя, это не значит, что надо лечь и умереть, но это также не означает, что надо приспособливаться к тому, к чему приспособливаться не позволяет твое профессиональное и личное credo (как бы пафосно и высокопарно это ни звучало).

В конце концов, у нас есть тяжелое человеческое право сохранять верность собственным ценностям, в т.ч. профессиональным, и не прогибаться под «изменчивый мир». На этом пути нередко приходится противостоять господствующим тенденциям. Можно реалистично оценивать собственные шансы на успех, понимать, что сила не на твоей стороне, но, тем не

менее, продолжать плыть против течения с осознанием правоты своего дела. К тому же, все социальные институты, хорошие и плохие, в конечном счете, суть «человеческие творения», продукты совместной, в том числе разнонаправленной, деятельности людей. Поэтому говорят: вода камень точит, а надежда умирает последней.

Ко всему этому напоследок стоит прибавить, что жизненная стратегия «героического пессимизма» – не самое нелепое культурное изобретение, имеющее давнюю и весьма достойную историю.